

УДК 159.9.016.2

DOI: 10.5840/dspl20181445

ОТВЕТ ОППОНЕНТАМ

Фортунатов Антон Николаевич

– доктор философских наук,
профессор. Нижегородский
государственный университет
им. Н.И. Лобачевского. Россий-
ская Федерация, 603005,
г. Нижний Новгород, ул. Улья-
нова, д. 2; e-mail:
anfort1@yandex.ru

REPLY TO CRITICS

Anton N. Fortunatov – DSc in

Philosophy, professor.
Lobachevsky State University
of Nizhni Novgorod. 2 Uljanova
St., Nizhni Novgorod, 603005,
Russian Federation; e-mail:
anfort1@yandex.ru

Кант писал, что «все суждения есть функции единства среди наших представлений». Отсюда следовало утверждение: «Все деятельности рассудка можно свести к суждениям, следовательно, рассудок можно представить вообще как способность суждения» [Кант, 1999, с. 99]. Внерассудочность телевидения как раз и основывается на невозможности суждений, относящихся к предмету изображения, а не к факту, феномену восприятия этого или множества других картинок-кадров аудиторией. Очень немного суждений единства можно вывести из телевизионного мейнстрима: например, изображение есть факт повестки дня, изображение есть форма взаимодействия ТВ с обществом, изображение есть олицетворение современного дискурса. Другими словами, трансляция воспринимается как одно из проявлений природы (или, лучше сказать, объективной, привычной, «традиционной» реальности), а не как ее реконструкция. Однако это утверждение, конечно, вовсе не в интересах телевидения: оно буквально должно заставлять зрителя раз за разом верить в том, что показанное на экране и есть настоящая жизнь. Как же это происходит?

Сводить все лишь к технологиям манипуляции было бы все же неправильно. Это значило бы упрощать проблему или даже способствовать ее затемнению в угоду организаторам телевизионного процесса. Да, многие тележурналисты, продюсеры, режиссеры мастерски владеют этими суггестивными технологиями. Но разве на одних их усилиях телевизионная реальность могла бы удер-

жаться, могла бы получить такую власть над социумом? Конечно, она сейчас начинает деградировать, и это очень точно отметил в своей реплике Е.В. Масланов. Однако ее мощь, ее сильнейшее воздействие на коммуникативные процессы, вероятно, долго еще будет сказываться на развитии общества.

Если же продолжать рассуждения в духе кантовской традиции, так удачно и глубоко заданной И.Т. Касавиным в его комментарии, то можно вспомнить о том, что наглядное представление существует «раньше всякого акта мышления» – это всего лишь форма. Благодаря этой форме представляется нечто, что полагается в душе, и значит, эта форма есть «способ, которым душа действует на себя своей собственной деятельностью, а именно, полаганием своих представлений, следовательно, способ, каким душа подвергается воздействию со стороны самой себя, т.е. внутреннее чувство со стороны его формы» [Кант, 1999, с. 82].

Таким образом, телевизионные наглядные представления не имеют априорного начала в душе зрителя. Их априорность находится за пределами картинки и связана с логикой медиапланирования, предполагаемой тематикой передачи и т.д. Значит, это не содержание, а формализованная этика – вот что такое трансляция телевизионных сюжетов! Это чувство, лишенное наглядного представления, поскольку оно не находит априорного соответствия в душе. Сиюминутность, мейнстримность, потоковость – вот те качества телевизионного процесса, вырастающие из этого свойства ТВ. Они имеют глубокие корни как раз в недифференцированности картинки, в ее несоответствии априорным началам в сознании воспринимающего субъекта. Кант будто бы пишет о наших современных переживаниях: «Без чувственности ни один предмет не был бы нам дан, а без рассудка ни один не был бы мыслим. Мысли без содержания пусты, а наглядные представления без понятий слепы» [Кант, 1999, с. 88]. Стало быть, телевизионная наглядность – это наглядность слепоты. Это бессодержательные изображения, не подразумевающие никаких мыслей, несмотря на то, что они насильственно посажены в мозг зрителя. Именно здесь, кстати, истоки гипнотического характера телевизионной картинке, на который обращали внимание многие исследователи, начиная еще с Маклюэна. Отсюда – яркий образ телевизионного восприятия, данный немецкими исследователями, – «застывший взгляд» [Пацлаф, 2003].

Однако нерепрезентативной чувственностью дело, конечно, не ограничивается. Абсолютизация визуальности приводит к еще одному неожиданному эффекту: происходит расщепление чувственного восприятия на визуальное и «все остальное». Невозможно держать в постоянном, гипертрофированном напряжении лишь один, пусть и наиболее информативный регистр чувств без того, чтобы не компенсировать это состояние другими способами мироощущений. Таким образом, чувственному опыту противоречит важнейшая сторона экранных презентаций: их подразумеваемая тождественность явлениям реальной жизни. Это противоречие, с

точки зрения телевизионных манипуляторов, вполне преодолимо: в каждой трансляции, в каждом включении телевизора демонстрируется не только и не столько нереферлируемая мнимость, а прежде всего – методично, безапелляционно, с отвержением каких бы то ни было сомнений манифестируется право ТВ на формирование собственной реальности. И постепенно для зрителя становится неважно, что там сейчас показывается в конкретный момент времени. Вот откуда небрежность и неэтичность телепродюсеров: им, по большому счету, все равно, кого приглашать в студию и о чем записывать передачи. Известные люди здесь должны легитимировать лишь собственный статус телевидения, а вовсе не делать интеллектуальные открытия.

Зритель с самого раннего возраста проходит суровую школу «воспитания чувств» (совсем не по Флоберу) в условиях мнимой тождественности, и упомянутая в комментарии Д.Ю. Шаталова-Давыдова «интерпассивность» является неперемнным условием и одновременно результатом такого воспитания. Взамен он воспринимает от экрана чувственные подтверждения правильности такого выбора: ведь только здесь он получает возможность наглядного представления времени (например, при обратной съемке), или, наоборот, удостоверения в эфемерности, пластичности пространства (отсюда виртуально воспитанное современное недоверие к собственному телу как последнему и все менее надежному оплоту подлинности).

Возникает новое качество предвосхищения, на которое обратили внимание уважаемые коллеги, в частности, В.М. Маслов, указавший на то, что эго-медиум – это современное информационное «замыкание» человека на самом себе. Телевизионные инженеры, начиная с Б. Розинга и В. Зворькина, бились над предвосхищением взгляда, подразумевая под этим предвосхищение чувства. За десятилетия развития ТВ выяснилось, что для полноценного предвосхищения реальности одного взгляда недостаточно. Вычурная презентабельность телевизионной экранной жизни есть как раз следствие этого искажения. Следует учитывать, что предвосхищение не есть лишь технический процесс соревнования с сознанием, или, упрощая, – чувственным восприятием зрителя. Это встречные потоки (одни хотят показать, а другие – непременно увидеть), в которых зритель находит для себя благо – «быть предвосхищенным». Отсюда возникает новое качество этого феномена – «эго-предвосхищение» как экспликация внутренних неотрефлексированных состояний, и последующее наблюдение за тем, какие социальные реакции последуют за этим самовыражением. Вот почему сегодня потоковые интернет-трансляции все чаще и все больше превращаются в непрекращающееся «фрик-шоу», становящееся формой предвосхищения бытия для нерефлектирующих, воспитанных на телевизионной пустоте субъектах. Веселые мужчины-болельщики на Чемпионате мира по футболу в 2018 году в России, одетые в кокошники, случайно попав в кадр, и представить себе не могли, что благодаря этой фотографии их головные уборы станут

символом мундиалья, символом целой страны-организатора чемпионата. Спонтанность, непредсказуемость того, что будет показано в следующую секунду на экране, привела к спонтанности, нелогичности, нелепости и, наконец, античеловечности всего социального мироустройства, возвращенного на телевизионной этике.

Список литературы

Кант, 1999 – *Кант И.* Критика чистого разума. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. 599 с.

Пацлаф, 2011 – *Пацлаф Р.* Застывший взгляд. Физиологическое воздействие телевидения на развитие детей. М.: Evidentis, 2011. 224 с.

References

Kant, I. *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason]. Rostov-na-Donu: Feniks Publ., 1999. 599 pp. (In Russian)

Patzlaff, R. *Zastyvshij vzglyad. Fiziologicheskoe vozdejstvie televideniya na razvitie detej* [Frozen Look: Physiological Effects of Television on Children Development / Der gefrorene Blick: Physiologische Wirkungen des Fernsehens und die Entwicklung des Kindes]. Moscow: Evidentis Publ., 2011. 224 pp. (In Russian)

Поступила в редакцию 14.11.2018